

MEMORIA

ПАМЯТИ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ДМИТРИЕВОЙ (1917–2003)

Немного не дожив до 86 лет, умерла Нина Александровна Дмитриева, замечательный искусствовед и эстетик, прекрасный, благородный человек. На протяжении нескольких десятилетий каждая книга Дмитриевой («Изображение и слово», «Михаил Врубель», «Винсент ван Гог», «Пабло Пикассо») становилась событием научной и художественной жизни, активно влияла на развитие отечественной гуманитарной науки и эстетического сознания общества.

Н. А. Дмитриева никогда не придерживалась методологических догм советского прошлого. Все написанное ею глубоко прочувствовано и очень искренне. Именно поэтому ее труды и двадцатилетней, и сорокалетней давности сохраняют актуальность поныне. Лучшие качества искусствоведа проявились в неоднократно переиздававшейся и переведенной на иностранные языки «Краткой истории искусств», за которую Дмитриева в 2003 г. посмертно удостоена Государственной премии Российской Федерации. Подобной наградой отмечены немногие представители нашей про-

фессии. Это тем более знаменательно, что Нина Александровна, далекая от карьерной суеты и тщеславия, при жизни довольствовалась скромным званием кандидата искусствоведения.

Пути художественного развития человечества с доисторических времен до XX в. представлены в «Краткой истории» в их сложных противоречиях, история изобразительного искусства рассматривается на широком культурном фоне, русское искусство органично введено в мировой процесс. Находясь на передовых позициях гуманитарной науки, автор в то же время чужд модному наукообразию. Метко определяя художественную суть явления, Н. А. Дмитриева тонко сочетает искусствоведческие понятия с метафорическими образами. Оттого эта книга, как и другие сочинения Дмитриевой, воспринимается как произведение не только научное, но и художественное, поэтому ее читают не только студенты перед зачетами и экзаменами, но и все, кто хочет обратиться к миру прекрасного, поговорить с умным собеседником.

Развивая традиции Александра Бенуа, Абрама Эфроса, Михаила Алпатова – высокие традиции отечественного искусствознания, — Дмитриева проявила яркую творческую индивидуальность. Рассматривая явления искусства, она нередко отвлекается от исторического контекста и деликатно, без журналистской навязчивости переходит к общечеловеческим проблемам. Возникают интересные рассуждения о трудно расторжимом переплетении добра и зла в творчестве Пикассо, о том, что символистская живопись Врубеля, как романтическая поэзия Лермонтова, отражает мироощущение вступающей в сознательную жизнь личности, оказывается адресованной прежде всего молодежи.

Литературно-художественные параллели – любимая тема выпускницы ИФЛИ (Института философии, литературы и искусства). Теоретически эту тему Дмитриева разработала еще в 1960-е гг. в книге «Изображение и слово», а потом постоянно возвращалась к ней в размышлениях о конкретных художниках и писателях, анализируя литературность (без всякого снижающего значения этого понятия) произведений живописи, графики, скульптуры и пластическую зримость словесных образов.

Дмитриева была чутким к современности, постоянно развивающимся ученым и литератором. Ее раздумья о связи искусства и религии на склоне лет наполнились новым содержанием в статьях о библейских эскизах Александра Иванова, о «Черном монахе» Чехова. В последние годы жизни, теряя зрение, Нина Александровна целиком сосредоточилась на своем любимом писателе Чехове. Сборник ее литературоведческих эссе еще ждет издания.

На Государственную премию Н. А. Дмитриеву выдвинули два учреждения – элитарный московский Институт искусствознания, с которым связана большая часть ее творческого пути, и создавший первую искусствоведческую кафедру в российской провинции Уральский университет, в котором она побывала всего один раз в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии и где ее знают и ценят, как и во всех гуманитарных сообществах нашей страны. Выдвижение Н. А. Дмитриевой на премию встретило поддержку и одобрение многих искусствоведов, отнюдь не разделяющих взглядов друг друга. В этом проявились любовь и уважение, которые всегда испытывали к ней коллеги, порой не дружные между собой. И это при том, что Дмитриева была отнюдь не всеприемлющим человеком. Чуждая каких-либо громких деклараций, доброжелательная и чуткая, она оставалась принципиальной и строгой даже к самым близким людям, себе же вообще никогда не позволяла компромиссов.

Такой мы запомним ее навсегда.